

УДК 94(430)085

Т.В. Евдокимова

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭЛИТЫ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ**

Предлагается анализ теоретических основ изучения политической элиты конкретного исторического периода – Веймарской Германии 1919–1933 гг. Излагается теоретическая концепция политической элиты с точки зрения междисциплинарного подхода на стыке знаний истории, политологии, элитологии, социологии, философии.

Ключевые слова: политическая элита, Веймарская Германия, методология, междисциплинарный подход.

В настоящей публикации делается попытка анализа теоретических основ изучения политической элиты периода Веймарской республики. При этом предлагается использовать возможности знаний по социальным наукам для анализа исторического явления с помощью междисциплинарного подхода. Автору импонирует идея о том, что «к настоящему, то есть предмету специализированных общественных наук, относится та часть прошлого, когда общество не было другим по отношению к настоящему и поэтому к нему применимы схемы, модели, теории и концепции, созданные для анализа современности» [1. С. 5]. Понятно, что границы между прошлым и настоящим размыты и зависят от конкретных ситуаций. Если в XIX в. история собирала факты для общественных наук, то в XX в. социальные науки стали поставщиками теоретических концепций для истории. Поскольку сфера действия и применимости большинства современных экономических, социологических и политологических концепций не превышает 100–150 лет, то теории общественной жизни применимы к периоду Веймарской республики (1919–1933 гг.) и адекватны ему. Сначала обратимся к понятию «элита».

На поиск понятия «элита» автора этих строк подвиг Леонард Нельсон (1882–1927), немецкий философ-идеалист, сторонник критической философии, психолог, один из «выдающихся духовных представителей Веймарской республики», профессор Геттингенского университета [2. С. 5]. Сейчас понятие «элита» прочно вошло в философские, политологические, социологические и другие словари. Термин «элита» ведет свое происхождение от латинского слова *eligere* – выбирать. Непосредственное хождение термин получил от французского слова *élite* – «лучший, отборный, избранный». На рубеже XIX–XX веков В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс удалось более конкретно сформулировать научно-философскую концепцию

элиты. Мечтая превратить политику из искусства управлять в науку об управлении, они вместо религиозных и этических соображений взяли законы и факты.

Понятием «элита» пользуются представители различных наук: политологи, социологи, философы, культурологи, элитологи. Культурологи обычно применяют термин «элита» к выдающимся деятелям культуры, иногда он выступает как синоним «аристократии духа». Для культурологов характерны суждения нравственные, аксиологические, а не социально-политологические. Для социолога в области политики и государственного управления элита – та часть общества, которая имеет доступ к инструментам власти. Будучи ценностно нейтральной, элита является понятием, вычлещающим функциональную группу, к которой относятся как люди выдающихся способностей, так и вовсе бездарные. Эта группа отличается от других вовсе не достоинствами, а функциями, которые и наделяют ее особым статусом, властными ресурсами, способностью навязывать свою волю другим. Современный философский словарь характеризует элиту как «высшие социальные группы в системе социальной иерархии», которые «осуществляют функции управления, формируют и демонстрируют эталоны поведения в данном обществе».

Из предложенных обществоведами идеальных моделей политической элиты наиболее объективной представляется модель А.В. Лифанова, которая включает такие требования к политической элите, как функциональные, позиционные, качественные, требование признания со стороны основной массы населения, требование ориентации на власть: «Политическая элита представляет собой совокупность социальных субъектов (отдельные личности, лидеры и руководящие слои партий, движений, организаций, заинтересованных групп), непосредственно участвующих в функционирова-

нии институтов государственной власти, ориентированных на такое участие, обладающих реальной возможностью влияния на процессы подготовки, принятия и реализации политических решений, сохраняя при этом определенную степень самостоятельности и независимости, способных в своей деятельности достигать высоких общественно значимых результатов и пользующихся определенной поддержкой (признанием) населения» [3. С. 114].

В литературе есть несколько классификационных признаков для выделения элит – экономические, политические, профессиональные, демографические, культурно-образовательные [4. С. 35; 5. С. 103]. Споры, какая стратификация плодотворнее, бесперспективны. Существует проблема первичности экономического и политического в различные эпохи развития человеческой цивилизации. Возможно, в определенных обществах и в определенные периоды экономическое превалирует над политическим, как возможно и обратное. Бесспорно, обе плоскости общественного бытия существуют всегда и везде, они связаны друг с другом. При этом необходимо учитывать, что история демонстрирует примеры как экономических, или западных, обществ, где экономический фактор и рациональность на протяжении веков являются доминирующими, так и политических, или восточных, обществ, где инструментами на пути к богатству являются ресурсы государства, а не рынка.

В связи с этим возникает вопрос, к какому типу обществ относилась Германия в период оформления единой имперской власти во второй половине XIX века, когда закладывались основы формирования так называемых «фюрунгсгруппен»? Как ни парадоксально, учитывая геополитическое положение Германии – в середине Европы, – скорее, к восточному типу обществ. Конечно, можно вспомнить германские вольные города-государства, слабую имперскую власть периода Священной римской империи германской нации в начале XIX в., преобладание экономически развитой Пруссии над Австрией, сильной лишь своими имперскими традициями. Но тем не менее системообразующей величиной для ментальности немцев является власть, государство. Реформирование Пруссии после участия в наполеоновских войнах исходило от прусских чиновников Шарнгорста и Штайна. Отцом германской нации и единого германского государства являлась не немецкая буржуазия с парламентом, а князь Отто фон Бисмарк с армией. Государство дало основной толчок процессу модернизации Германии: развитию рыноч-

ных отношений на основе «грюндерства» и развития демократии в рамках всеобщего избирательного права в рейхстаг. Демократизацию как наиболее адекватную форму политического правления, обеспечивающую свободу рынка, начали осуществлять во второй половине XIX века. Но поскольку политические изменения были протискиваемыми не классом собственников этого модернизирующегося общества, а государством, опирающимся на класс собственников традиционного общества, то сведение к минимуму роли парламента рейха, сохранение трехклассной избирательной системы на выборах в прусский ландтаг и т.п. являлись неотъемлемой частью этого процесса демократизации. Несоответствие между экономической и политической составляющими модернизации толкало к преобразованию, однако становление класса собственников вносило хаос в государственное управление, приводило к политическому кризису. Чем дальше заходил процесс экономизации, тем сильнее было давление государства вместе с чиновниками и военными для восстановления порядка и государственности. Власть имущие, а не собственники экономического капитала, определяли приоритеты экономического развития. Исходя из вышесказанного, именно политический подход помогает открыть всю полноту картины общественного развития Германии, истинные причины особенностей генезиса и эволюции тех «фюрунгсгруппен», которые в научной терминологии XX в. будут идентифицироваться с понятием «элита». Именно на рубеже XIX–XX вв. с появлением массового общества в условиях рынка и демократизации возникает дихотомия «элита – массы».

Правящая политическая элита Веймарской Германии, в лице «Веймарской коалиции», куда входили представители СДПГ, ПЦ и ГДП, придя к власти, чувствовала себя не «отцами-основателями» демократии, а «обанкротившимися правителями старого режима». По замечанию Р. Дарендорфа, они образовали «картель страха» среди тех, кто «неожиданно оказался на вершине власти и которые из-за недостатка социальной устойчивости оказались способными только лишь к поддержанию сложившихся отношений» [6. С. 189]. Новая элита вступила в союз с традиционной элитой, не имевшей развитого всестороннего самосознания и единых представлений об основных жизненных ценностях из-за недостатка национальной идентичности [7. С. 173]. Так называемый режим «личной власти» Вильгельма II не сумел сыграть роль интеграционной фигуры германской нации. После ухода Бисмарка в отставку никто,

вплоть до Гитлера, не смог заполнить образовавшийся вакуум власти – ни рейхсканцлеры имперской Германии, ни рейхсканцлеры Веймарской Германии.

В настоящее время доказана зависимость пороговых значений воздействия элитных групп на внеэлитные от того, насколько неприкосновенными остаются у внеэлитных групп установки на сакральные ценности, если общество традиционалистское, и насколько учитываются экономические интересы, если общество модернизированное. Германия в начале XX в., с точки зрения политических ценностей являлась скорее обществом традиционалистским с элементами модернизированного. Демократические политики Веймарской Германии пытались заставить немцев отказаться от таких традиций политической культуры, как этатизм, аполитизм, «немецкий идеализм», боязнь конфликтов, формализм [8. С. 144–148], и заменить «столпы» политической культуры Германии – монархия, государственность, порядок, закон, дисциплина, долг, послушание – на новые: демократия, республика, парламентаризм, свобода, индивид, оппозиция. Для восприятия данных ценностей политическое сознание немецкого населения должно находиться в согласии с новым государством, а этого согласия не было, как и массовой поддержки у демократической элиты. Данная констатация не означает, что немцы были неспособны воспринимать демократию. Нет никакой общей немецкой политической традиции. Существуют лишь элементы традиций, проявление которых зависит от конкретно-исторической ситуации, в том числе от конкретных условий перехода к демократии.

Анализ трех этапов генезиса демократии Д.А. Росту интересен тем, что он касается переходного периода демократизации, каким и являлась Веймарская республика. По Росту, на первом этапе необходимо изначально чувство общности, причем желательно такое, которое бы молчаливо воспринималось как нечто само собой разумеющееся и, соответственно, состояло из просто мнения или просто согласия. Условие национального единства предшествует всем остальным условиям перехода к демократии, в том числе экономическим и социальным. Национальное единство – результат не столько разделяемых всеми установок и убеждений, сколько безучастность и взаимодополняемость. Здесь компромисс предполагает осознанность убеждения и обдуманность согласия. На втором этапе, согласно теории Росту, необходимо принятие демократического решения, которое рассматривается как акт созна-

тельного, открыто выраженного консенсуса. Как утверждает Росту, на третьем этапе «по мере того, как демократия будет успешно преодолевать очередной пункт из длинного списка стоящих перед ней проблем, само использование этих процедур будет шаг за шагом расширять зону консенсуса» [9. С. 15]. Правящая политическая элита Веймарской Германии на первых двух этапах перехода к демократии (по Росту) создала «мину замедленного действия» для дальнейшего существования демократии. Первые результаты консенсуса как неотъемлемой части немецкой политической традиции немцев – заключение Версальского договора и принятие Веймарской конституции – стали «родимыми пятнами» республики. Формально Версальский договор, ратифицированный 28 июня 1919 г., стал первым проявлением национального единства. Правда, правительство Шейдемана, отказавшееся его подписывать, пришлось заменить правительством Бауэра. Получалось, что «принятое соглашение, выработанное лидерами», не являлось действительно всеобщим, как и говорил Росту, его перенесли на уровень профессиональных политиков и населения. Но отставка Шейдемана со своего поста, Капповский путч марта 1920 г. и др. свидетельствовали, что национального единства не получилось. Скорее всего, основная масса населения Германии при решении болезненной национальной проблемы была с Шейдеманом, а не с Бауэром.

Национальное единство проявилось при принятии Веймарской конституции, которая и вобрала в себя всю противоречивость многообразных политических сил, которые заключили компромисс. Это решение воспринималось каждой из действующих сторон как уступка и не олицетворяло согласия по вопросам принципов. При принятии решения сохранялись разные предпочтения, но при этом важным являлись не ценности, которых абстрактно придерживались лидеры, а шаги, которые они готовы были предпринять навстречу друг другу. Политический плюрализм должен был через форму парламентской демократии гармонизировать антагонистические противоречия. Но временно, пока к этому располагало определенное соотношение политических сил. Для большинства участников Национального собрания важна была не демократическая суть решений, не принятие «самой демократической конституции в Европе» (Давид). Большинство объединяла ненависть к Версалию, невозможность что-то изменить сейчас и создание условий для изменения ситуации в будущем. Веймарская республика, как и конституция, явилась не продуктом собственной револю-

ционной воли нации, а «результатом проигранной войны» [8. С. 141].

В данном случае демократическая суть решений не просто стала побочным результатом, она превратилась в фикцию, которая прикрывала загнанное вглубь сознания единение, прорвавшееся в начале 1930-х гг. в виде мистического «Blut und Boden» и громогласного заявления «Volksgemeinschaft». «Первый великий компромисс, посредством которого устанавливается демократия, если он вообще называется жизнеспособным, – заключает Ростой, – сам по себе является свидетельством эффективности принципов примирения и взаимных уступок. Это побуждает к решению и других важных демократических задач. Явная неудача при разрешении какого-либо политического вопроса ставит под удар будущее демократии» [9. С. 12]. В Веймарской Германии это произошло на начальной стадии привыкания различных политических сил друг к другу. Последствия оказались роковыми.

Таковы были условия генезиса политической элиты Веймарской Германии, элиты переходного периода. В соответствии с классификацией элит Г.Л. Ашина, главным критерием которой выступают содержание и стиль политической деятельности, механизмы формирования, для переходного периода характерна доминантная элита. Это – «элита демократической ориентации, плюралистическая и мобильная по своему кадровому составу, открытая механизмам рекрутирования в свои ряды, доминантная по идеологическим установкам и консенсусная по формам и методам политической деятельности... Ей присущи перспективность и конструктивизм, либерально-демократические воззрения, смелость и самостоятельность. Она легко вбирает в свои ряды людей, инициативно действующих и готовых нести ответственность за свои решения и поступки» [10. С. 135].

Первую часть характеристики Ашина с полным основанием можно отнести к элите Веймарской республики. Состав «Веймарской коалиции», включившей «врагов рейха» (Бисмарк), социал-демократов и католиков, а также демократов, действительно был демократическим и плюралистическим. Германский ученый Вильгельм Цапф доказал наибольшую мобильность именно политической элиты по сравнению с другими элитами Веймарской Германии [11]. Она действительно первоначально была открытой по механизмам рекрутирования и включала лидеров переходного типа. Например, Фридрих Эберт – последний канцлер империи, которому принц Макс Баденский после

своей отставки поручил сформировать правительство, и (или) глава первого революционного правительства Совета Народных уполномоченных; Константин Ференбах – последний рейхспрезидент кайзеровского парламента и первый (не считая нескольких дней пребывания на данном посту социал-демократа Э. Давида) рейхспрезидент республиканского парламента. Что же касается второй части характеристики элиты переходного периода, элита Веймарской Германии не проявляла смелость и не была самостоятельной. Она вбирала в свои ряды не столько инициативных людей, сколько вынужденных прийти к власти, кроме того, не умеющих и не желающих нести ответственность за свои поступки. То есть ее можно отнести к вынужденной элите.

Положение первоначально доминирующей элиты «веймарской коалиции» строилось на определенном признании со стороны населения, что достигалось посредством перевода внешних идеологических целей и лозунгов в плоскость внутренних убеждений и установок человека. Дискредитация демократической идеологии в массовом сознании в результате тяжелых последствий Версальского договора – экономических, территориальных, военных и др. – привела к утрате доминирующей элитной группой, «Веймарской коалицией», массовой поддержки уже в период выборов в рейхстаг в июне 1920 г. Как следствие раскол в самой доминирующей элите.

Точку зрения «разъединенной элиты» поддерживает исследователь Баум, считавший, что в Веймаре существовал гетерогенный тип элиты. Исходя из различий во властной структуре ценностей и отсутствия единой однозначной иерархии, каждая элитная группа стремилась к уравниванию в статусе по недостающим показателям с другими группами. Из-за нестабильности политических институтов власть не контролировала ситуацию, что и создавало условия для возникновения конфликта. Кроме того, характер современной бюрократической организации предоставлял ей шанс сконцентрироваться на достижении полноценного статуса, определял для этого узкую область компетентности и не заставлял заботиться о том, чтобы поставить вопрос всеобщего блага выше других.

Германский ученый Ф. Фишер считает германскую элиту гомогенной, так как в силу наличия «общественных, экономических и социально-политических компонентов континуитета» [12. С. 358] она видела свои главные цели в том, чтобы поддерживать в государстве существовавшие (до того) авторитарные отношения господства, подав-

ления рабочего движения и достижение Германией статуса мировой державы.

Два выделенных подхода – существование одной властной элиты или плюралистической элиты (гомогенной или гетерогенной) – только на первый взгляд противоречат друг другу. Они скорее дополняют друг друга, поскольку позволяют выделить при анализе властных структур две перспективы для изучения вопроса элит. Первая концентрирует свое внимание на решениях рейхскабинетов, главным образом, в области внешней политики и для установления и сохранения стабильного внутреннего положения в Германии. Вторая указывает на гетерогенность и разнообразие интересов различных групп современного общества и поднимает вопрос о возможности выравнивания интересов между ними. Представленные подходы из области социальных наук к изучению элит позволяют глубже исследовать сущность правящей политической элиты Веймарской Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. История в пространстве социальных наук // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 3–15.

2. Nelson L. System der philosophischen Rechtslehre und Politik. Felix Meier Verlag. Hamburg, 1976. Bd. 6.

3. Лифанов А.В. Политические элиты в истории политической мысли и в современных теориях: Учебное пособие. Новосибирск, 2001.

4. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров И.В., 2005.

5. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97–103.

6. Dahrendorf R. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München: Piper, 1965.

7. Baum R.C. The Holocaust and the German Elite, London: Croom Helm, 1981.

8. Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня: Основные черты политической системы / Под общ. ред. и с предисл. Я.С. Драбкина; Пер. с нем. Г.Я. Рудого. М., 1996.

9. Постой Д.А. Переходы к демократии: понятие динамической модели // Полис. 1996. № 5.

10. Ашин Г.Л., Охотский Е.В. Курс элитологии. М., 1999.

11. Zapf W. Wandlungen der deutschen Elite. Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen. 1919 –1961. R. Piper & Co Verlag. München. 1965.

12. Fischer F. Zum Problem der Kontinuität in der deutschen Geschichte von Bismarck zu Hitler // Der erste Weltkrieg und das deutsche Geschichtsbild Beiträge zur Bewältigung eines historischen Tabus. Düsseldorf: Droste Verlag, 1977.